

**Владимир
МАЗАЕВ**

**ГАРМОШКА
НА ТОМ БЕРЕГУ**

Рассказ

Наша деревня была старинной, жили в ней коренные сибиряки, чалдоны. На другом берегу Кондомы – переселенцы из центральных губерний. Прежде так и говорили: «в расейцах» гостем был или: «в сибиряки» плавал.

...От крутого «расейского» берега звуки далеко катились мячиком по воде. Однажды вечером ко всем прочим звукам «из расеи», к которым «сибиряки» привыкли и не замечали их, – стуку вальков, стрекоту веялок возле амбаров, влаиванию собак – примешался новый: робкие переборы гармоника. Кто-то на том берегу учился играть. Новичок пилил, пока не стемнело, а потом смолк, уморился. На следующий вечер всё повторилось. Гармошка басила, словно забавляла, и девчата наши поголосистой стали кричать через реку весёлые вещи. Но «расейский» был упрям и необидчив и вскоре довольно сносно сыграл какую-то простенькую песенку.

Так и повелось: наступал вечер, отходили заботы многотрудного сельского дня, и над притихшей рекой раздавались аккорды знакомой гармоника.

Играл гармонист всё без разбора, нажимая больше на русские народные песни, на революционные, часто играл входившие в моду «Спят

курганы тёмные» и «Катюшу». Но потом стали замечать склонность гармониста к лирике.

С особенным чувством и загадочной настойчивостью играл он одну мелодию: «Коль жить да любить – все печали растают, как тают весною снега, – пела гармошка, и голос её при этом был трогательно наивен, словно игравший сам только что разгадал ту истину и спешит поведать её миру, – звени, золотая, шуми, золотая, моя золотая тайга».

Никто на нашем берегу уже не смеялся над незадачливым гармонистом. Слушая его, мы вдруг с изумлением и непонятной радостью, будто бог знает какое открытие, поняли, что гармонист – влюбился! Потом гармошка поведала всем, что у парня вышла размоштка: уж слишком явно, недвусмысленно принимались слова старой песни: «За окном осенняя распутица, как безлюдно рано поутру. Только листик запоздалый кружится, только птицы зябнут на ветру».

Даже пожилые, сидя вечером на бревнушках, грустнели. «Гармонист-то наш – слышите? – опять в тоску попался», – говорили они.

Думал ли «расейский», что его слушает наш берег, не знаю... Может быть, ему это было безразлично. Но мы к нему уже не были безразлич-

МАЗАЕВ Владимир Михайлович родился в 1933 году в селе Васильчуки Алтайского края. Прозаик. Окончил Новокузнецкий педагогический институт. Автор более 20 книг прозы. Печатался в журналах: «Звезда», «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «Советская литература» (на чешском языке, г. Прага), «Огни Кузбасса». Участвовал в сборниках: «Рассказы. Молодая проза Сибири» (Новосибирск, 1968), «Сибирский рассказ» (Новосибирск), «Смотрю в твои глаза» (Кемерово, 1997), «Категория жизни» (Москва, 1985), «Набат сердца» (Москва, 1988), «Рабочий характер» (Пермь, 1987), «Зов» (София, 1979), «Сибирский рассказ» (Будапешт, 1980), «Белые города» (Мюнхен, 1991), «Венок славы», Антология художественных произведений о Великой Отечественной войне в 12 томах (Москва, 1984).

Член Союза писателей России. Живет в г. Кемерово.

ны. Его талант и открытая душа, которая с такой простотой и доверчивостью выливалась в песенных импровизациях, подкупали.

Парень помирился со своей любимой. А потом у него состоялась свадьба: гармошка стала спокойней, радость её сдержанней, а грустных мелодий не слышали вовсе. Да и играл гармонист вечерами понемногу. Что ж, все понимали: когда в доме молодая жена, допоздна не погуляешь...

Спустя год у гармониста родился сын, это случилось в апреле, когда только что прошёл лёд, и Кондома ещё дышала холодом. Гармошка звучала чуть не до рассвета, охрипла; на нашем берегу смеялись: простудил на радостях-то сердешную!

Однако недолгой была радость заречного гармониста: через два месяца грянула Отечественная война.

В череде замелькавших трагических дней, в проводах мобилизованных мужчин, в слезах женщин, в скупых, холодивших сердца сообщениях Информбюро пролетело лето.

Уже под осень, как-то в сумерках, когда обычно возвращались с полей, по нашим сердцам, особенно сердцам женщин и девчат, больно ударил с того берега знакомый голос гармошки. Все вроде бы забыли о ней, а может быть, она это время не играла. Но сейчас, когда вдруг услышали, так обрадовались ей, что многие заплакали.

Гармошка слышалась над рекой ещё несколько вечеров, а потом затихла.

Очень надолго затихла гармошка. Прошёл военный год, миновал второй. Деревня наша жила исступлённой работой на полях и ожиданием вестей с фронта. Иногда вспоминали гармониста с того берега, гадали о его судьбе, жив ли он ещё. Похорошки тогда приходили едва ли реже писем...

Он сам напомнил о себе мелодией, внезапно хлынувшей с «расейского» берега.

Теперь мне почему-то кажется: гармонист знал, что его слушают не только односельчане. Играл он и для нас, для нашего притихшего, пустынного берега.

Был разгар войны; гармонист, вероятно, вернулся домой по ранению. Мы радовались, что он жив, и были благодарны ему за щедрость его ду-

ши. Истосковавшиеся по инструменту руки играли на этот раз с особенной, какой-то трагической проникновенностью.

Недели через две гармошка снова замолчала. И молчала теперь уже до самого конца войны...

Началась демобилизация. Снова у женщин стали застилаться слезами глаза – у одних от радости встреч с любимыми, сыновьями, у других – от уходящей теперь уж навсегда надежды, что проклятая похоронка, может быть, соврала.

Ожила потихоньку деревня. Девчата снова стали выходить на берег, вспоминали о заречном гармонисте, что-то долго он не возвращается.

Прошла вскоре и вторая демобилизация, за ней – третья, вернулись все, кому суждено было вернуться. А гармошка на том берегу молчала... Мало кто из наших знаком был с гармонистом, но невозвращение его все переживали так, будто потеряли близкого...

Жизнь входила в мирную колею. Девчата, помнившие гармониста, повыходили замуж, их захлестнули семейные заботы. Подросли дети; горе вдов закаменело временем. Кондома вечерами была тиха и пустынна...

И вдруг – случилось это тоже вечером, в мае, когда северные ветры обивают черемуху и гулко шумят в голых и залитых половодьем топольниках, – наша деревня замерла: с того берега просочились и полились тоненькие, неуверенные, сбивчивые звуки гармоник. Инструмент был тот же самый, но взявший его в руки был ну совсем новичок. Пальцы соскакивали с клавиш, звуки всхлипывали и трепетали.

Женщины оставляли самую неотложную работу, выходили на крылечко, стояли со скорбными лицами. У женщин начинали дрожать спрятаные под фартук руки. Дети затихали, чувствуя по лицам матерей: происходит что-то значительное.

Играл сын гармониста. Правда, ещё играл робко и нечто неопределённое. Однако уже чувствовалось по всему – упрямством он пошёл в отца. И хотелось думать, что будут ещё дни, когда гармошка зазвучит снова уверенно и ладно над примолкшими берегами, с подкупающей откровенностью ведая миру о щедрой душе своего нового хозяина...

